

КРУГИ НА ВОДЕ

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2022

ЛОНГ-ЛИСТ

ЛитРес:

Ирина
Корсаева

Производственный детектив

Ирина Корсаева

Круги на воде

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67851852

SelfPub; 2022

Аннотация

В обычном районном городке Акшинске преступления совершаются и расследуются обычными людьми. Может ли предположить ничем не примечательный следователь-криминалист Анна Чернышова, что работа по обычному убийству прошлых лет выведет на самого кровавого маньяка России?

Чем определяется успех расследования уголовного дела: случайной удачей или многодневной незаметной работой обычных людей?

Отражается ли преступление только на своих жертвах или его последствия затрагивает, казалось бы, совсем не причастных, расходясь как круги на воде?

На все эти вопросы предстоит ответить читателю, ознакомившись с одним из расследований следователя Чернышевой и ее коллег. Таких, как мы с вами.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

2011. Анна Чернышова	12
2003. Саша Солдатов	19
1980. Андрей Пранкевич	29
2011. Анна Чернышова	33
2003. Саша Солдатов	39
2003. Лена Зенкина	47
2003. Саша Солдатов	55
1988. Андрей Пранкевич	64
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Ирина Корсаева

Круги на воде

Ляльки все не было и не было. Макароны, которые я сварил по приходу из школы, давно остыли, склеились комби-жиром в серый ком. Хотелось есть, но я хотел дожидаться Ляльку. Я знал, что она еще долго не придет. Опять. Без Ляльки было тоскливо.

Из школы я пришел еще в два часа, сварил макароны, хотел закинуть в них тушенку, но тушенка в кладовке закончилась. Есть макароны не хотелось – отрезал горбушку белого, посыпал сахаром и, не снимая формы, пошел на улицу. Лялька будет орать за то, что я не переоделся, но плевать, мне плевать на все: на Ляльку и на ее ор, на школьную форму и саму школу.

Я таскался по городу до темна, сначала дошел до центра по тропкам, давно отысканным мною среди сараев и территорий предприятий. Это были мои дороги, их не знал больше никто, я смог сократить любой путь в городе. Сколько себя помню, я искал дыры в заборах, перекидывал доски через ручьи, искал проходы по краям оврагов. Я знал каждую ржавую бочку и утопленную рессорину на заводских территориях, облазил все стройки и котлованы. Мои руки были постоянно покрыты корочкой цыпок, носки ботинок быстро сбивались, пятна не отстирывались с одежды, пуговицы

отрывались с мясом. Когда Лялька видела нанесенный урон вещам, она визгливо орала, хлестала по лицу испорченной одеждой. Впрочем, больно мне не было.

На центральной площади города я посидел на кирпичках в тени зеленой деревянной трибуны, прикинул, где бы взять 20 копеек на два жаренных пирожка с ветчинной колбасой – хотелось есть.

Денег не было, я решил дойти до гастронома, где продавались эти пирожки, поискать копейки. Я планомерно обошел автобусные остановки, позагребал мягкую пыль кедами – на остановках часто находилась мелочь, но сегодня мне не везло.

Около гастронома я увидел парней со школы, Валька из нашего 4 "а" класса, еще трое пацанов по старше. Они тоже были из нашей школы, но, как их зовут я не знал. Парни все были на велосипедах. Удерживая велики ногами, пацаны собрались на сухой бетонной площадкой перед магазином. Валька стоял перед ними на сверкающем синем с фиолетовым переливом "Салюте-С".

Мне хотелось поскорее уйти и хотелось посмотреть на новый Валькин велик. "Салют-С" – мечта каждого мальчишки. Я не знал ни одного, у кого бы был такой велосипед. Я зашел за тополь и смотрел, как Валька нарезал на велике круги, демонстрировал тормоза. Двое из его товарищей были на красных "Камах". Рули и сидушки велосипедов по пижонски выдвинуты на полную высоту, вокруг сидушек натянута

золотистая бахрома со знамени пионерской дружины, спицы обвернуты проволокой в разноцветной оплетке, гранатово отсвечивали катафоты. Третий парень был на "Уральце", под задним крылом которого болтался кусок резины, с шестиугольником из восьми красных треугольных катафотов – высший шик. Но Валькин велик был самый крутой. Парни уважительно осматривали приобретение.

У меня не было никакого велика, даже "Школьника". Я тоже хотел, лучше, конечно, "Салют". Я смотрел на Валькин велосипед, и понимал, что он мой. И вот уже мои руки лежат на удобных резиновых ручках с выемками под пальцы, моя нога ощущает упругое сопротивление педалей. Я уже несся с самого затяжного спуска, слегка теряя слух от бокового ветра, когда парни решили проверить велики на скорость и уехали от гастронома. Иллюзия разрушилась, боковой ветер утих. От горечи во рту у меня накопилась слюна.

Идти в гастроном и искать около него мелочь расхотелось. Срезая углы, через дворы я пошел на вокзал. На вокзале до вечера сидел в одном удобном своем местечке в живой изгороди, смотрел на компанию длинноволосой шпаны, с жадностью прислушивался к обрывкам жеребьячьих истории, пересыпанным бодрими матюшками, и обстругивал палочки. Когда палочка заканчивалась, я срезал новую и превращал ее в стружку. Подходить к прыщавым пэтэушникам ближе я опасался – понимал, что они меня прогонят. А я не хотел, чтобы меня прогоняли. От этого я злился.

Когда палочки мне надоели, я, расчистив от слегка кудрявых щепок разной степени высушенности себе участок, поиграл в ножички, Все мои рюмочки, вилочки, локоточки и коленочки выполнялись безупречно, вот только показать их было некому. Нож входил в землю глубоко и ровно по самую рукоятку в одно и тоже место.

В ранних весенних сумерках я стал подмерзать, не торопясь, побрел к дому на самую окраину города, понимая, что Лялька домой не пришла. Во дворе, не теряя надежды, глянул на окна, свет у нас не горел.

У подъезда сел на лавку, сколоченную местными алкашами. Один конец неокрашенной доски был прибит к дереву, второй примотан куском стальной проволоки к вкопанной в землю автомобильной шине. Я достал нож, нашел свой давний запил и стал пилить отполированную множеством штанов доску, пока палец не сорвался на лезвие и содрал на суставе кожу. Выступила капля крови. Маленькая, она казалась почти черной в сгущающихся сумерках. Под ложечкой у меня защемило и захотелось в туалет, как всегда при виде своей крови.

А еще захотелось плакать, и я пошел домой. Не снимая кед, дома я залез на широкий подоконник за занавеску и устался в окна соседнего дома. Он был таким же, как и наш, с облезлыми желтыми стенами, с осыпающейся по углам штукатуркой. Вокруг дома стояли разномастные сараи

и угольники, между нашими домами – деревянная помойка с вечным сладковато-гнилостным запахом.

Этот запах сопровождал меня всюду, пропитывал весь Химкомбинат. Химкомбинат – это наш город, нелепо построенный вокруг большого предприятия, среди бескрайней лиственничной тайги. Город, для которого даже не нашли нормального названия.

Окна соседнего дома почти у всех были задернуты плотными шторами, но мне были видны силуэты двигающихся за ними соседей. Я уперся спиной в откос окна, где на известке серым ореолом обозначились мои плечи и затылок, смотрел на соседний дом и закручивал за тяжелый ключ засаленную красную тесемку-выюн у себя на шее. Когда витки плотно охватывали шею, я наклонялся над полом и позволял тесемке раскрутиться назад под тяжестью ключа, потом закручивал снова. А Лялька все не шла.

Тоска была моим третьим чувством, которое я смог распознать в себе, первым была злоба. А вторым – вкусно. До тоски все было проще: плохо – злость, хорошо – вкусно. Но тоска – это тоже плохо.

В маленькой комнате издавала какие-то звуки Петровна. "Жрать, наверное, хочет", – подумал я.

Спрыгнул с подоконника, достал из банки с холодной водой мягкий кусок желтого масла, кинул на сковородку, потом вывалил из кастрюли ком макарон. Специально подольше подержал, чтобы внизу образовалась корочка. Поискал

подставку, вспомнив, как орала Лялька за прожженные круги на клеенке от горячей сковородки. Поставил сковородку на стол, перевернул макароны прожаренной стороной, посыпал сахаром. Сжевал макароны, выбирая самые румяные. Вкусно. Кипятить чайник не хотелось, зачерпнул кружкой из оцинкованного ведра тепловатой воды, запил. Хотелось спать.

Во двор въехала чья-то машина, я выглянул окно. Бежевые "Жигули" – "копейка". Из Жигулей вышли мужчина и женщина, я слушал как, подхихикивая, они поднялись на второй этаж.

– О, Андрюшка, а ты что не спишь? – вернулась мать.

В прихожей топтался какой-то лысоватый мужик. У матери в руках был изрядно потрепанный белый целлофановый подаренный кем-то пакет, красная дерматиновая сумочка перекинута через руку.

– Ты поел? – мать подошла поближе,дохнула водкой и сладкими духами.

Как всегда красивая, со слегка растрепавшимся светлым каре, слегка смазавшейся яркой помадой на полных губах. И очень добрая, как всегда, когда была пьяной. Красным перламутром мелькнули пластмассовые клипсы в виде жемчужниц. Очень красивые.

– Ой, мальчики, вы посидите, я к Петровне загляну, я быстро, – мать ловко и очень собранно, как умела только она, набрала в чайник воды, одновременно поставила разо-

гревать сковородку с недоеденными макаронами. Японский бежевый плащ она повесила на вешалку, достала из сумки белый халат, засунула его в плетенный короб для грязного белья, повязала большой и некрасивый фартук, сняла с газа чайник, развела в тазу воду и ушла к Петровне.

Мы с мужиком остались в большой комнате, я сидел на стуле, мужик на диване и неловко ерзал, мать гремела в соседней комнате ведрами.

Мать быстро вышла с тазом, вылила его содержимое в отхожее ведро, пахнуло какашками. Ведро мать выставила в подъезд. Погремев умывальником очень тщательно помыла руки. Наложила макароны в тарелку, снова скрылась у Петровны.

Я рассматривал мужика. Он спросил:

– Как учишься, пацан?

Я молчал и смотрел на него. Запоминать мужика мне не хотелось, в голове крутилась одна тоскливая мысль: "Она никогда, никогда не перестанет делать Это".

– Андрюшка, тебе пора спать, – мать по особенному, хмельно, улыбнулась, мелькнул ряд белых и ровных мышинных зубов.

Я достал из-за шифоньера раскладушку, потащил к Петровне. У Петровны воняло мочой и хлоркой. Мать заглянула, и сунула мне в руки бутерброд с белым хлебом, маслом и колбасой. Было вкусно, но хорошо, почему-то, не было.

Потом я лежал, слушал невнятные переговоры диспетчера

с путейцами, гудки тепловоза, тоска и злоба слились в одно и создали новое, незнакомое чувство. Я старался не слышать мужской бубнеж за стеной, смешки матери, скрип дивана и возню на нем. Я слишком хорошо знал, что там происходит: "Ляля, Лялечка, ляляяяаааааа"!

2011. Анна Чернышова

Это дело ничем не отличалась от сотни таких же, медленно разлагавшихся в пыльно-сладкой полутьме следственного архива. Оно было извлечено из слежавшейся стопки, перетянутой расплзающимся синтетическим белым шпагатом, на котором сбоку был криво прицеплен пластиковый бейджик с надписью: "2003".

Так называемые "дела прошлых лет" – особенная категория уголовных дел и головная боль каждого следователя.

Когда совершается преступление, то обязательно возбуждается уголовное дело. На раскрытие преступления правоохранительным органам по закону дается, в общем-то, два месяца. Если за время предварительного следствия преступник не находится, такое уголовное дело должно приостанавливаться. Как правило, несколько раз такое решение отменяется для устранения недостатков и восполнения следствия, но чаще – на всякий случай, во избежание начальственного гнева. Частота и количество отмен зависит от интенсивности поступления жалоб потерпевших, которые не всегда понимают, что если расследование ранее приостановленного дела возобновлено, то делается это для "галочки", срок следствия "съедается", а шансы раскрытия преступления падают.

Постепенно интерес к делу угасает, само оно направляется тлеть в архиве следственного органа, в ожидании чу-

да быть раскрытым. Очень редко чудо случается, внезапно появляется информация, и, если в уголовном розыске еще остались сотрудники, которые помнят о приостановленном деле, а следователь проявит должную настойчивость, человек может понести заслуженную кару.

Но это происходит исключительно в режиме "чудо".

Приостановленные же дела получают общее название – "висяки" и лежат в архиве до истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности, в зависимости от тяжести преступления.

Когда-то и кому-то вдруг в эйфории создания нового следственного органа пришла воистину гениальная мысль: одним из направлений следственной работы считать совершенно не свойственную следствию функцию – раскрытие преступлений, по которым в прошлые года лицо, совершившее преступление, установлено не было. И в случае минимальной удачи пиарить этот новый, невнятный орган, мол, а поглядите-ка, как мы исправляем недостатки прокурорского следствия. Возможно, для такого сильного пиар-хода была даже создана целая государственная комиссия, приглашены лучшие в стране маркетологи-политологи, креативщики и пресс-райтеры. Возможно, даже составлена программа со сроками, графиками и мониторингом – новый орган отчаянно нуждался в положительном медийном образе. Возможно даже, блестящая идея была хорошо оплачена и отмечена государственными наградами – не нашего холопского ума де-

ло. Но идея тем, для кого она создавалась, была воспринята горячо.

Но легко придумать – трудно осуществить.

Указание, как водится, было спущено на места, однако как его исполнять, так никто и не понял.

Сначала следственное руководство пошло по самому простому пути, проверенному еще попом толоконным лбом – спустило указания в районы поднять все приостановленные дела и распределить их поровну, закрепив за каждым следователем, а затем требовать и требовать от следователей их всенепременного раскрытия.

Но в данном случае заклятие не помогло, и дела не, почему-то не раскрывались.

Посыпались грозные письма и указания: ввести ежемесячные, квартальные, полугодовые и годовые отчеты показатель – "окончено преступлений прошлых лет"; считать этот показатель приоритетным и установить персональную ответственность руководителей за неудовлетворительные цифры.

Не помогло.

Официально предварительное следствие по уголовным делам прошлых лет не возобновлялось, потому как законных оснований для этого не было.

Тут следует отметить, что такое трогательное понятие, как законность, руководству особого интереса не представляло. Старые уголовные дела не возобновлялись по одной простой

причине: возобновление и неизбежное новое приостановление следствия по лохматым виссякам привело бы к обвалу статистики по срокам следствия и раскрываемости, и тогда получилось, что имидж органа был бы подпорчен не только в глазах общественности, но и в глазах одного конкретного зрителя, для которого вся эта возня, собственно, и затевалась.

Ну а коли уголовные дела не возобновлялись, то и к производству следователями они не принимались. Затюканные валом текущей работы следователи старые тонкие, плохо сформированные, рассыпающиеся дела большей частью даже не читали.

Из Москвы в регионы ссыпались рейтинги и обзоры, руководителей управлений, оказавшихся внизу рейтингов вызывали под светлые очи главного креативщика, устраивали публичные порки. Говорят, что даже кого-то уволили.

Выпоротые руководители управлений, искали для на дне своих таблиц бедолаг из числа руководителей отделов, а те – следователей.

Но, о ужас! рейтинги, обзоры и даже таблички, почему-то оказались бессильны.

Не помогло руководству и другое проверенное средство экстренной терапии – оперативное совещание.

Следователей отрывали от работы, вызывали на ковер и нещадно драли за отсутствие работы по делам прошлых лет. Ссыпались угрозы, уходили премии в фонд экономии зара-

ботной платы, но каждый участник театра петрушки твердо осознавал, что привлечь к дисциплинарной ответственности следователя за дело, не находящееся в его производстве, весьма затруднительно. Закаленные в клерских войнах следователи наращивали броню и продолжали молча игнорировать высокие указания.

Руководители судорожно искали показатели, которые можно было бы вписать в строку "раскрытие дел прошлых лет", приостанавливая в декабре любое мало-мальски позволяющее это сделать дело, чтобы в январе его возобновить и закончить под смешки неблагодарных следователей.

Следующим усовершенствованием в этой невидимой борьбе руководства со своими работниками стало указание ежемесячно направлять по каждому такому закрепленному делу прошлых лет поручение о производстве оперативно-разыскных действий в органы милиции, а затем и полиции с требованиями незамедлительно раскрыть все дела прошлых лет сразу – бумажный монстр на глиняных ногах требовал вовлечения все новых и новых жертв.

Однако и тут руководство ждало новое фиаско, когда подходили сроки, следователи распечатывали одни и те же набранные как правило по выходным дням, но зато единожды, поручения и в тот же день распечатывали на соседских принтерах ответы от оперов с милицейской птичкой, меняя только даты в штампах, регистрируя их по номеру уголовных дел, что позволялось инструкцией по делопроизводству. Случай-

но залетевшие в следственные отделы опера вылавливались, им вручалась пачка ответов: "получение новой оператив-но-значимой информации по уголовному делу не представилось возможным" и на ходу подписывалась.

Бумага, да, тратилась быстро. Потому как еще составлялась справка в управление о проделанной работе по раскрытию дел прошлых лет.

Дела же прошлых лет не раскрывались.

Следователи уверенно вели по очкам, и следующим шагом по внедрению указаний в жизнь стала передача ответственности за данное направление следователям-криминалистам, чьи фигуры были введены в обращение в этом году.

Чем конкретно должен был заниматься следователь-криминалист в районном следственном отделе толком не понимал никто, и вот Анна, случайно получив должность следователя-криминалиста, вдруг обнаружив массу свободного рабочего времени, пыталась воплотить чаяния руководства в жизнь, коли оно так этого хотело, да и следователей надо было бы разгрузить.

Как следователь, даже криминалист, имея на вооружении цифровой фотоаппарат-мыльницу с истекающим сроком эксплуатации и просроченный препарат "Гемофан"*, может вдруг раскрыть расследованное преступление, она тоже не знала.

В архиве ее отдела самые старые висяки датировались 1990 годом.

Читать особо было нечего, в основной массе, дела поражали небольшим количеством проведенных следственных действий, по большинству из них закончился срок давности привлечения к уголовной ответственности, и дела по закону подлежали прекращению. Но на такое прекращение дел прошлых лет было наложено негласное вето – ведь именно из их числа иногда удавалось выудить какое-нибудь уж совсем по беспределу похороненное дело, и если фигурант по нему был еще жив, дело направлялось в суд для прекращения за сроком давности, палочка в клювике неслась радостному начальству.

Мягкая шершавая обложка этого дела пожелтела и осыпалась по углам, листы слегка разъезжались, полустертые карандашные каракули на обложке гласили: по факту убийства несовершеннолетней Зенкиной.

Первым листом дела вместо постановления о его возбуждении оказалась копия заявления формы 1 на паспорт, на приличной ксерокопии наклеена фотография – миловидная большеглазая белокурая девчонка со стрижкой каре, круглолицая с пухлыми губами и бровями в разлет. Зенкина Елена Александровна, 09.05.1986 года рождения.

2003. Саша Солдатов

Выезжать на происшествие ему было откровенно страшно. Его первый криминальный труп и первый самостоятельный выезд – прокурор района уехал в область, его заместитель – в суде.

Александр Сергеевич Солдатов – двадцатилетний следователь районной прокуратуры, в третий раз проверил содержимое следственного чемоданчика, два раза попил чай, четыре – покурил, а теперь нервно раскладывал пасьянс "Косынка" на служебном компьютере. Дежурный полиции позвонил почти полтора часа назад, сказал, что дежурка выехала. Время пути от милиции до прокуратуры 15 минут, и Саша откровенно не понимал, что происходит.

Саша знал, что ему предстоит осмотреть труп женщины, обнаруженный по иронии судьбы начальником уголовного розыска ранним утром в посадках около федеральной трассы.

– Возможно ЧМТ и, возможно, изнасилована, – сказал дежурный и сочувственно добавил:

– Голая и вся в кровище.

Наконец в кабинет ввалился Макс Силкин – стажер с розыска, мастер спорта по гиревому спорту. Из-под свитера Макса виднелся выставленная чуть напоказ поясная кобура с ПМ.

– Ты, что ли, с нами едешь? – Макс развязано и картинно привалился к обналичке двери.

Саша слегка насупился:

– Я вас уже полтора часа жду, – не торопясь, стал натягивать куртку, подыскивая слова, чтобы сказать Максиму, что, вообще-то, он – старший группы, и это они едут с ним.

– Да мы, это, заправляться ездили, на двух заправках талончики не принимали, потом за экспертом заезжали. Поехали, все в машине. Там, короче, девка молодая, башка вся разбита, голая, по любому, износ еще. Это Зенка дочка, Петрович сразу опознал. Знаешь Зенка? – последние слова Макс сказал уже в коридоре, не поворачиваясь, и Саше ничего не оставалось, как быстро идти за ним.

На улице стояла серая буханка* с синей полосой по бортам – дежурный автомобиль УАЗ, за ним, прячась от ветра и сгорбившись в мороси, курил милицейский эксперт-криминалист Женя .

Саша быстро сел на место около водителя, в салоне было тепло и накурено, судебно-медицинский эксперт и участковый вяло переругивались в салоне тесного бобика из-за какого-то неостребованного трупа, когда все загрузились, в машине повисла неловкая тишина. В заднем отгороженном отсеке сидели двое тихих мужчин в мятых спортивных костюмах, из числа суточников – понятия, они же грузчики, на ямках они подпрыгивали и слегка бились головами о низкий серый потолок обезьянника .

Труп лежал примерно в 50 метрах за посадками в высокой сухой траве давно не паханного поля. Машину пришлось оставить на съезде с федералки, рядом с "Тойотой" начальника уголовного розыска. По пути к трупу Саша оступился на кочке, холодная вода протекла в ботинок и противно зачавкала.

Дорогу показывал начальник розыска, который бодро выбирал тропинку на заболоченном поле:

– Я, значит, с рыбалки утром ехал всем семейством, отпуск, на, проходит, решил с пацанами своими выбраться. По пути, на, поспать захотел, у дороги, не стал, каждая собака же знает, съехал в посадку. Пошел, значит, в посадку, а тут, на, одна сосна – насквозь видно, пошел кусты искать. Потом вижу, трава примята, как тащили что-то, ну я и пошел поглядеть. А там ноги голые, на, из-под капота торчат. Капот приподнял – Зенка дочка лежит, на, холодная уже... Я и поспать, на, забыл, сразу в дежурку поехал, – в роли свидетеля начальник розыска чувствовал себя слегка неудобно.

– Петрович, а потом-то поспал хоть? – ментовский водила, который вопреки инструкции, пошел со всеми посмотреть на труп, не выдержал.

– Иди на, Федя, – почти ласково отозвался Петрович.

Начальник розыска в обход подвел группу к старому капоту от какого-то грузового автомобиля из-под которого виднелись ноги. На правой стопе болтался обрывок капроновых колготок.

Капот был мятый и ржавый, в земле, неизвестно, когда и кем здесь брошенный. В метрах трех виднелся участок местности без растительности, откуда, очевидно, его и приволокли.

К трупку никто не подходил, Саша слегка замешкавшись, понял, что все ждут от него каких-то действий. Он неуверенно двумя руками приподнял капот за мокрый край. Следственный чемодан, висевший на спине, ощутимо мешал. Саша почувствовал себя дураком, что делать дальше, он не знал.

– Эй, стой-стой-стой!– переводя дыхание, из кустов вывалился милицейский эксперт Женя, на ходу снимая с шеи кофр с "Зенитом", – погоди, я ж еще не снял.

Саша с облегчением отошел к остальным, встал так, чтобы не попадать в кадр фотоаппарата. Макс с водителем Фейдей подняли и положили капот в сторону. Женя авторитетно пнул проржавленный лист и сплюнул:

– От зилка.

Судебно-медицинский эксперт Николаич призывно махнул Саше рукой. Труп девушки лежал на животе, голова резко вывернута влево, правая рука вывернута под неестественным углом, а левая – вытянута, будто в последние минуты убитая пыталась уползти. Глаза закатались под полуприкрытые веки, жутко виднелись полоски белков. Рот некрасиво раскрыт. Светлые волосы до плеч сбиты в какой-то ком на затылке и склеены черно-красной кашей. На белом сдобном

теле атели длинные продольные царапины: на спине и на боках, на животе, на крутых бедрах и покатых плечах.

– Да... красивая девка была, – Саша с подозрением посмотрел на Николаича, он лично ничего привлекательного в трупe не увидел.

Но эксперт смотрел на мертвую с явным сожалением, надев резиновые перчатки, он обхватил голову потерпевшей руками и сильно сдавив, с силой подвигал ею вправо-влево. В голове что-то закрипело. Николаич грубо потыкал пальцем в центр кровавого узла на затылке. Белые пальцы печаток окрасились в алое. Эксперт поднял кисть погибшей, окрашенные ярким лаком ногти были обломаны, под ногтями песок и грязь, в левом кулаке оказался зажатый пучок сухой травы вперемешку с сосновыми иголками. Саша почувствовал, как на него накатила тошнота. К Николаичу подскочил Женя, защелкал затвором фотоаппарата, Саша поспешно отвернулся, стараясь не показать виду, достал планшет с протоколом осмотра:

– Понятые, представьтесь, пожалуйста, – и осекся под хмурым взглядом понятого, понимая, что зачитывать ему права не надо, – фамилию скажите.

Писать стоя дольше одной минуты оказалось неудобно, от мелкой мороси листы разбухли, ручка царапала бумагу, постоянно застревая, не слишком-то разборчивые Сашины буквы превратились вовсе в каракули. Пока он заполнил шапку протокола, от неудобной позы и напряжения заломил-

ло спину и левую руку. Саша достал из чемодана компас и рулетку, не теряя достоинства, сказал понятым:

– Пойдемте, померим, пожалуйста,– и, радуясь движению, зачавкал ботинками к служебной машине, под снисходительные взгляды коллег.

Писать протокол и делать замеры оказалось делом не простым, понятые не понимали, как и куда ходить им с рулеткой, Саша отвлекался, давая команды, пытался одновременно сориентироваться по сторонам света, путался в падежах и окончаниях, злился и чиркал в протоколе.

Минут через 40 он вернулся к группе с корявым планом местности, который стыдливо спрятал под нижний лист протокола. Водитель Федя и участковый давно сидели в тепле машины, начальник розыска уехал на своей тойоте, Макс бродил по посадкам. Женя размазывал по остаткам голубого лакокрасочного покрытия на капоте черный порошок. Николаич сидел на какой-то чурке, меланхолично покусывая веточку. Его перчатки валялись рядом с трупом, Саше показалось, укором ему.

Николаич поднялся, одобряюще улыбнулся, периодически поглядывая на тело, начал диктовать описание трупа. Саша с облегчением, торопясь записывал: "Труп женщины, на вид 20 лет, правильного телосложения ... умеренно повышенного питания... лицо круглое... волос на голове светло-русый, средней длины.. глаза карие...трупные пятна на переднебоковых поверхностях туловища... имеют синюш-

но-фиолетовую окраску, при надавливании пальцем не бледнеют... трупное окочение выражено... В теменной области справа имеется открытая косо-вертикальная, углообразная рана, в просвете видны кости черепа. В теменной области головы слева имеются две ушибленные раны, аналогичная рана имеется на затылочной части головы слева, в лобной области имеется косовосходящая ссадина линейной формы с концами, обращенными на 4 и 10 часов условного циферблата.. " В этой части протокола исправлений почти не было, и Сашино настроение стало улучшаться.

От трупа в сторону посадок тянулась полоса волочения. Увлекаемый Максом, который давно в нетерпении топтался рядом, Саша, а за ним и все остальные, прошли под сосны и недалеко от служебной машины на земле увидели презерватив и разбросанные марлевые тампоны. Пока Саша и Женя изымали вещдоки, Макс с азартом модой лайки углубился в посадки, и крикнул оттуда, что нашел женский сапог-чулок.

Уже Федя и Николаич дремали в машине. Участковый, казалось, вообще не просыпался. Понятые угрюмо топтались рядом, они бы тоже посидели в машине, но молодой следователь снова вручил им рулетку и давал бестолковые указания. Штанины брюк у них вымокли, хотелось есть, время подходило к обеду – могли и опоздать к кормежке. Макс сообщил, что он прочесал посадку, вещей с трупа не нашел и ничего другого интересного он не нашел.

– Гляди-ка, Петрович вернулся, – сказал Максим.

К дежурке подъехали еще два автомобиля, из одной вышел невысокий юркий Петрович с опером по тяжким Ваней Поповым, из второй – начальник КМ и ответственный от руководства. С начальником КМ Сашу знакомили, но его фамилию он не запомнил, ответственного подполковника он видел впервые. С важными и озадаченными лицами они направились к труп.

Саша подумал и остался на месте остервенело чиркать одеревеневшей рукой в протоколе. Немного помедлив, Николаич, вздохнув, отправился следом за руководством. Когда начальство, вдоволь насмотревшись, с таким же озабоченным видом покинуло место происшествия, Николаич задержал Ваню у трупа, и надев на одну руку перчатку, совместил края одной раны на затылке, Ваня присвистнул.

Ломая ветки, Ваня подошел к Саше, достал бумажку из ежедневника:

– Вот, для протокола, это – Зенка дочка, я данные выписал.

На мятом, затертом обрывке было написано: "Зенкина Елена Александровна, 09.05.1986 года рождения". Саша пожегил, убитая Елена Александровна оказалась моложе его всего на три года.

Подошел Петрович:

– Ну что, Александр Сергеевич, вы закончили? Труповозку вызывать?

Саша почувствовал, что если прямо сейчас не закончит

этот осмотр и не вернется в сухой и теплый автомобиль, то сядет прямо на землю и уже не заставит себя встать:

– Да-да, я заканчиваю, вызывайте, пожалуйста.

"Допишу на работе", – обреченно подумал он.

– Понятые, распишитесь, пожалуйста, – Саша подложил в протокол пустой разлинованный лист, – вот тут и вот тут.

Петрович по личному сотовому звонил дежурному, давал указания вызвать труповозов, понятые радостно грузились в обезьянник. Женя передавал им бумажные, подписанные карандашом конвертики и пакеты с изъятыми вещдоками для подписей. Саша с завистью смотрел на телефон Петровича. Хорошая вещь, он только собирался такой приобрести. Саша стянул перчатки, поглядел по сторонам, вздохнул и аккуратно положил их под куст.

– Александр Сергеевич, садитесь, пока эти, на, все места не заняли, – Петрович приглашающим жестом открыл дверь своего автомобиля.

Участковый внезапно проснулся и высунулся с дежурки:

– А это, направление на вскрытие вы писать будете?

– Сам, Савченко, сам, – Петрович, похлопывая Сашу по плечу, подтолкнул его к машине.

Саша с наслаждением расправил затекшую спину, к нему в машину усаживались эксперты.

– Я кое-что забыл, – сказал Саша, неловко вытаскивая из чемодана, стоящего под ногами, полиэтиленовый черный пакет для мусора, аккуратно сложенные им в чемодане при-

надлежности от его движения ссыпались в одну кучу, он поморщился. Саша выскочил из машины в противную сырость, очень быстрым шагом направился к месту, где лежала некогда симпатичная, а теперь холодная и совершенно мертвая Зенкина Елена Александровна. Там наломал вокруг нее сухие верхушки каких-то прошлогодних травянистых кустов, неловко заталкивая их в пакет. Дождь усилился, кусты ломались плохо, какой-то веткой Саша занозил себе палец, с досадой он сунул грязный палец в рот, попытался выгрызть занозу. Ветки местами порвали пакет, он завернул его в сверток.

Когда он, совсем уже мокрый, подходил со своим свертком, народ в машине посмеивался. Но при его возвращении смешки стихли. Он рассержено запихнул сверток в чемодан.

На полпути Иван не выдержал, повернувшись к Саше, спросил:

– Саня, а ты в лобик-то ее поцеловал?

– Зачем?

– Ты что, не знаешь, старую следственную традицию? Свой первый труп следователь должен поцеловать в лоб, иначе не будет тебе удачи в следствии.

– Это не первый мой труп, – Саша надулся и отвернулся к окну, посасывая раненный палец, благо ехать было совсем недалеко.

Криминалист с Ваней хихикнули.

– Вот не видать тебе, Саня, удачи, не чтишь ты традиции.

1980. Андрей Пранкевич

– А мой папа – китаец? – спросил я, наблюдая над круглым зеркалом, как мама Ляля собирается на дежурство. Сколько себя помнил, я называл свою мать по имени.

– С чего ты взял?, – мать недовольно оторвалась от сборов.

– Ну, у меня глаза узкие.

– Твой отец умер и он не был китайцем, иди, ешь пельмени.

Я еще раз осмотрел свое отражение. На Лялю я совсем не похож. Ляля – красавица, все у нее ровное гладкое и круглое. А у меня только глаза такого же цвета, карие. Но маленькие и узкие, как у китайца с опущенным верхним веком. Уши у меня разные и слегка пожеванные. Но больше всего расстраивал подбородок – маленький, слишком плавно переходящий в шею.

– Ляль, а он был киргиз?

– Нет.

– А кем он был?

– Не знаю, ешь молча.

Я поболтал ложкой в мутном бульоне с морковкой, выловил и без аппетита пожевал рыбный столовский пельмень – не вкусно.

– Ляля, когда Петровна умрет, я буду один жить в ее ком-

нате?

– Будешь.

– Скорее бы сохла, – вздохнул я, но закончить вздох не успел, сильный подзатыльник нагнал меня, я ткнулся лицом в миску с пельменями, больно ударившись об эмалированный край губой. Настроение сразу испортилось. Еще поболтал ложкой в миске:

– Тебя в школу вызывают.

– Из-за чего?

Всем своим мелким существом я почувствовал закипающую в Ляле ярость, и от этого мне становилось лучше.

– Из-за тритона.

– Что еще за тритон!?

– Я в школе тритона съел.

Ляля смотрела на меня почти с отвращением, она даже не спросила, как это у меня получилось.

Я поймал около школы небольшого тритона, зачем-то сунул его в карман, принес на уроки. На уроке я достал тритона, он был таким беспомощным и весь в моей власти. Сначала я тыкал его ручкой, загородив ото всех ладошкой. Но вскоре эта игра наскучила. Я сунул тритона в рот, оставив его заднюю лапку наружу. Лапка мелко дрожала. Это трепыхание было приятным, в животе расплзлось что-то теплое. Вдруг одна девочка повернулась ко мне и завизжала. Стали оборачиваться остальные, мне стало смешно. Но тут я увидел, как ко мне подходит учительница, небольшое усилие –

и тритон проглочен. Потом меня выгнали с урока, отвели к директору, я там или молчал, или говорил, что ничего не было. Глядя по верх учительских голов, я пытался вызвать в себе ощущение трепыхания живой тритоновой лапки, испуг девочки и мои порывающиеся смешки, но учителя все время мне мешали.

Потом они велели передать матери, чтобы она пришла в школу. Я почти забыл об этом. Я силился вернуть то необычное ощущение, а оно все уплывало от меня.

Я услышал, как Ляля хлопнула входной дверью:

– Дебил.

Но я уже думал про кошку. Кошка была моей тайной. И моим верным способом почувствовать трепыхание.

Я, как обычно, сидел на подоконнике. Была зима, я скушал. Я не любил холод. И тут я увидел, как во дворе взрослые мальчишки засунули кошку в авоську, завязали ее ручки, а потом кидали в кошку камнями. Кошка сначала пыталась убежать, но авоська мешала ей, парни ногами снова толкали ее в центр круга между собой. Один мальчишка принес откуда-то метлу, и тыкал кошку ее прутьями, второй поджег какие-то тряпки и кидал их в деревянную помойку. Под общее ликование помойка разгоралась. Мальчишки продолжали мучить кошку. Когда кошка упала от очередного удара, тот, что сделал поджог, схватил ее за хвост и еще живую кинул в огонь. Остальные встали рядом, замолчали, и, не отрываясь, смотрели в огонь.

Они показались мне жрецами, я тоже замер и, не отрываясь, смотрел на мальчишек.

Потом кто-то из взрослых закричал, мальчишки бросились за угол. Я даже не узнал, кто они. Помойка осталась догорать.

Когда совсем стемнело, я взял ведро, пошел на помойку. Помойка смердела гарью. Труп кошки лежал сверху. Я достал его, отнес за короб. Кошка с одного бока покрылась коркой от сгоревшей шерсти, я потыкал ее палочкой. Брюхо лопнуло, оттуда полезли синюшно-розовые кишки. Они шевелились, как живые черви. Я застыл над замученной кошкой на корточках и почувствовал, как у меня в животе тоже зашевелился кто-то очень теплый. И это было приятно. Вкусно. Почти как с тритоном.

С тех пор, когда мне хотелось, чтобы в животе у меня шевелилось, я снова и снова представлял себе вываливающиеся из подпаленного брюха кошки розовых червей. С тритоном так не получилось.

2011. Анна Чернышова

Одним из самых важных документов в уголовном деле по убийству является протокол осмотра места происшествия. Почти все следы, которые потом будут использованы для доказательства причастности убийцы, обнаруживаются в ходе осмотра. Восполнить некачественный осмотр места происшествия практически невозможно.

Дело по факту убийства Зенкиной чем-то цепляло ее и не позволяло засунуть в кучу таких же безнадежных дел прошлых лет.

В этом деле осмотр деталями не блистал, две странички матричного серого текста: труп, обнаруженный предмет, расстояние от трупа, факт изъятия. Из описаний – лишь повреждения на трупе. Имелась в протоколе фототаблица – пять черно-белых фотографии в недостаточном фокусе, слегка передержанных в проявителе. Неясная лесополоса вдоль дороги, неестественно белое тело в неестественной позе, несколько человек со спины в темных спортивных куртках, смутные очертания каких-то предметов в траве, опознать которые возможно только после прочтения протокола. Фотографии были приклеены на канцелярский клей, который проступил через фотобумагу желтыми неряшливыми пятнами. Внизу страницы приклеен сверток с негативами, открывать который не имело смысла.

Протокол был скучный и неживой, как будто его писали в кабинете криминалистики с пустыми стенами в заданных условиях, манекеном и разложенным преподавателем по углам вещественными доказательствами. Картинка произошедшего из прочитанного не складывалась.

Вопреки распространенному заблуждению, следователь не занимается раскрытием преступлений, он их расследует. Раскрывают преступления оперативные сотрудники, задача которых, найти, кто совершил преступление, задача следователя – доказать, что преступление совершил (или не совершил) этот человек. Следователь – человек, который профессионально умеет работать с информацией, извлекать ее, воспринимать все ее виды, а, главное, анализировать, оценивать, выделять важное, исключать несущественное. Хороший следователь умеет обращать внимание на детали, причем, на те, которые имеют отношение к делу, и не отвлекаться на второстепенные. Хороший следователь умеет из косвенных доказательств, находящихся в разных слоях пространства и времени, сложить картину преступления, так, чтобы у следующих звеньев юридической цепочки – прокуратуры и суда – не возникло сомнений в виновности преступника. Не малое значение при этом играет следственная интуиция, не врожденное, а приобретаемое качество, возникающее от бесконечной напряженной переработки огромных пластов информации в ходе работы.

Следователь – особый вид мышления, мышление следо-

вателя всегда ретроспективное. Далеко не каждый юрист может качественно выполнять работу следователя, потому как это признание и образ жизни.

Одна из главных задач следователя – в ходе осмотра места происшествия представить, что же конкретно произошло в данном случае, найти логическое объяснение либо его варианты для каждой обнаруженной детали. Вот поэтому лучше, когда дело расследует тот следователь, который выезжал на осмотр места происшествия. В большинстве случаев, несмотря на разнообразность сценариев убийств, на месте остаются стандартные следы и предметы, происхождение которых достаточно просто объяснить.

На третий раз бесплодного прочтения протокола Анна решила составить к нему план-схему, однако визуализация не давалась. Пришлось брать Макса Силкина, преодолевая его сопротивление, возмущение и лень, и ехать на место.

Макс бухтел всю дорогу:

– Зачем тебе этот висяк? Мы тогда, знаешь, как все обрабатывали? Козлину того и проверяли, и в СИЗО прессовали. Он тогда крепился, Веня этот. Это же Ленка Зенкина была, Зенка дочка. Зенок когда-то известной личностью был, типа, положенец, крутился рядом со смотрящим. Отморозком был конченным. В восемьдесят седьмом сел за двойную мокруху: завалил одного химика и его пацана. Десять или двенадцать лет пацану было, я уже не помню, это Ванька мне рассказывал. Дали ему тогда четырнадцать лет. Он от звонка до звон-

ка отсидел, черноходом был.

– Слушай, а как там Ванька Попов поживает?

– Да как? Пенсионерит по-тихому. Он после ДТП попробовал в охране поработать, не понравилось. На рыбалки ходит, и побухивает понемногу, пенсии на дешевую водку хватает. Скучает конечно, столько лет в розыске проработать.

Макс с трудом развернулся на водительском сиденье пыльного служебного уазика:

– Ты мне скажи, какого мы сюда приехали? У меня дел – куча, а у тебя – блажь. Висяков у нас тоже куча, чего ты к этому-то делу прицепилась?

– Ты знаешь, вот что-то зацепило, а что именно, понять не могу.

– Порожняк гонишь, короче, а я тебя катать должен по-беспонтовому.

– Так уже никто кроме тебя не работает, из тех, кто выезжал туда.

Серый УАЗ "Хантер" остановился на окошенной обочине у съезда в посадки, всего-то 23 километра от города, слева от трассы отлично видны бело-синие корпуса "перегонки" нефтепровода. Съезд был хорошо накатан сельхозтехникой.

Светлые сосновые посадки шли вдоль федеральной трассы. Между трассой и посадками пролегла минерализованная полоса. Светло-зеленые иголки бросали кружевную тень, под ногами приятно пружинила опавшая рыжая хвоя, и пахло настоящим лесом. С Максом Анна пересекла лесополосу и

вышла к краю кудрявого поля, засеянного соей.

– Вот здесь труп был, – Макс ткнул пальцем в траву, – под капотом от ЗИЛа. Тогда в поле бурьян стоял, по пояс. Помню, вымокли, как собаки. Петрович ее тогда случайно нашел, через день после убийства. О ней и не заявил никто. Здесь ее изнасиловали и убили.

– А с чего ты взял, что ее здесь?

– Было видно, что она уползти пыталась.

– А вот здесь, – на обратном пути Максим махнул рукой в сторону съезда с трассы, – я тогда нашел гандон и бинтики.

– Что за бинтики?

– Ну бинтики сложенные, как салфетки, маленькие, на которые ты кровь берешь. На них потом, кстати, сперму нашли.

Марлевые тампоны. Вот, чем этот осмотр отличался от всех остальных. Кто возит или носит с собой марлевые тампоны? Как будет выглядеть мужчина, который сложит марлевые тампоны и возьмет их с собой? Кому они вообще доступны? Только людям определенных профессий. А может, убийца был не один, а с ним была женщина, например, медицинский работник? Ни одно предположение не давало картину произошедшего здесь восемь лет назад.

– Эх, в такую-то погоду, да на бережок, – Макс сожалением хлопнул дверцей нагретой машины, отсекая от Анны смолистый воздух и запирая в пространстве, в котором пахло бензином и нестиранной одеждой.

Распечатывая к протоколу осмотра местности цветную

фототаблицу с идеалистической, почти шишкинской картинкой, Анна отдавала себе отчет, что никакой юридической силы данный документ не имеет, так как предварительное следствие по уголовному делу никто не возобновлял и к производству никто не принимал.

Зато теперь по делу имелась картинка, и даже план-схема к ней, только вот пригодятся ли они кому-нибудь?

2003. Саша Солдатов

Саша с тоской смотрел на мятые листы, бывшие его протоколом осмотра места происшествия по Зенкиной. Прошло полтора месяца, как он выехал на свое первое происшествие, а протокол он так и не дописал. Сначала было некогда, он торопился допросить свидетелей по делу, назначить экспертизы. Шли дни, первую неделю медленно, а потом все с большим ускорением, а дело не раскрывалось, кто убил семнадцатилетнюю Лену, понятнее не становилось. Молодой следовательский задор угасал с каждым днем, свидетели врали, на Сашины попытки вывести их на чистую воду не реагировали, на его подготовленные вопросы отвечали откровенной тупостью, даже не оценив их смысла. Сашины представления о его следовательской работе терпели сокрушительный крах.

Кроме Зенкиной Саше накидали другие дела, разгрузив остальных следователей, в том числе скучнейшее дело о нарушении правил техники безопасности на производстве, прочитать которое он даже не мог себя заставить. Времени катастрофически на все не хватало, рабочий день становился все длиннее, а успевал Саша все меньше.

Дней через пять после выезда на труп Зенкиной на планерке прокурор попросил Сашу показать ему написанный им осмотр. Саша по девчачьи заалел щеками и, глядя в пол, сказал, что осмотр им еще недооформлен.

– Ничего, принесите, я посмотрю, что вы там написали, потом дооформите, – прокурор сделал вид, что не заметил смущения своего следователя.

И после планерки Саша отдал ему семь неровных от высохшей воды листочков, исписанных мелким некрасивым почерком, местами прерывающийся, так как ручка плохо писала на влажной бумаге, с множественными помарками и исправлениями, дописками между строк скатывающихся книзу страницы. Причем, на каждой странице наклон строчек вниз становился все очевиднее.

Протокол прокурор вернул ему в тот же день вечером:

– Молодец, но нужно все переписать, – и прокурор долго и подробно объяснял ему свои правки в его протоколе, сделанные, как в школе, красной пастой. Саше очень хотелось ему возразить, и объяснить, что вот в этом месте он написал так, потому что считал нужным обратить внимание именно на эту деталь, а этот недостаток он сам уже заметил и даже исправил, но слово ему никто не давал. Да он и сам понимал, что он не на студенческой паре с профессором, где он мог свободно высказать свое мнение и даже отстаивать его, а в прокуратуре, где он обязан соблюдать субординацию.

Оставалось только зыркать из-под слегка длинноватой обесцвеченной челки, чувствуя как жар заливает не только щеки, но и кончики ушей, потому как по словам прокурора получалось, что Саша какой-то уж совсем дурачок и неумеха, а ведь это было совсем не так.

Он был лучшим на своем курсе. Саша закончил три курса института, учился настолько легко и успешно, что не понимал, зачем он, собственно, теряет в нем свое драгоценное время. Ему так хотелось настоящей работы, что он даже убедил папу, который, задействовав свои многочисленные знакомства, порядке исключения устроил Сашу в эту не самую отдаленную Акшинскую районную прокуратуру.

Первые несколько дней Саша периодически доставал свое первое удостоверение, с тайной гордостью рассматривал свое удачное фото в галстук и подписи под ним. Правда, потом делать это стало некогда.

– И, Александр, – прокурор глянул через толстые линзы на насупленного работника, – замените ручку на гелиевую с черной пастой, и если составляете протокол от руки пишите на писчей бумаге, не распечатывайте бланки на компьютере, берите типографские.

В кабинете Саша с раздражением кинул протокол на стол, листы соскользнули, часть их упала под стол соседа по кабинету. Игорь нагнулся, поднял из-под ног листы, пробежал глазами:

– Да ты не умеешь протоколы писать, – самодовольно ухмыльнулся он, – давай, я тебе свой образец дам. У меня еще со школы милиции остался, я всегда по нему пишу.

Не ожидая Сашиного согласия, Игорь протянул ему дискету:

– На, я тебе сбросил.

И вот теперь в душной пустой конторе в неровном казенном свете люминесцентной лампы Саша, преодолевая себя и сон, вернулся к этому несчастному протоколу. Открыл файл, сброшенный ему Игорем, стал набирать текст. Протокол Игоря показался ему подозрительно коротким. В полпервого ночи Саша вытащил из стрекочущего принтера два листа протокола, прочитал начало, поморщился, текст ему не нравился. "Какой-то кастрированный", – подумал Саша, но ему так хотелось спать...

Когда нашли труп Зенкиной на следующий день с утра он поехал на вскрытие. Поблукал по территории больницы, пока не нашел морг за зданиями кочегарки и прачечной. Николаич стоял на крыльце в зеленой униформе и в перчатках, курил. Саше он не удивился, кратко кивнул, бросил окурок в старую биксу у крыльца, пошел в секционную. Саша, помедлив, прошел за ним.

В моргах он раньше не был, видел их только в фильмах, американских: сверкающие белым кафелем лаборатории с операционными лампами, почему-то, синего цвета, с выезжающими из холодильника ящиками для хранения трупов, накрытых белыми простынями.

При входе его любопытство оглушил запах формалина и человечины, на глазах навернулись слезы, желудок свернуло,

и он на минуту утратил возможность говорить, казалось, стоит приоткрыть рот, и ядовитая субстанция заползет в него. Николаич тем временем подошел к металлическому столу, стоящему у окна, замазанному на две трети белой краской.

– Иди, покажу, – Саша, перебарывая неожиданное недомогание, подошел к столу, на котором лежал труп. Стараясь не смотреть на кучу органокомплекса у ног трупа в луже с красными разводами, он глядел на предварительно вскрытое санитаром тело – зияла вырезанная грудина, скальп был снят и лежал на лице покойной, на его атласной поверхности имелись сине-красные разводы.

Николаич взял в руки какую-то желтую шершавую крышку, и показал на ней отчетливую, как на фанере, вмятину, прямоугольной формы, примерно два на пять сантиметра, от углов которой, пересекая всю поверхность, шла извилистая трещина нежно-розового цвета.

– Перелом свода черепа, – Николаич потрогал край вдавленности, – а это – след от повреждающего предмета, ничего не напоминает?

Эксперт внимательно смотрел Саше прямо в лицо, Саша пожал плечами.

– Смотри сюда, – Николаич браншами ножниц указал на голову трупа, где из спиля торчало нечто серо-розовое с черно-баговыми разводами, – это – кровоизлияние под твердую мозговую оболочку...

Смотреть на это было выше его сил, Саша переводил

взгляд на металлический подголовник под плечами трупа, второй секционный стол, с подтеками то ли ржавчины, то ли крови, на зеленые стены с отваливающейся штукатуркой, на разбитую мелкую коричневую плитку под ногами. На полу между столами от раковины тянулся черный шланг, конец которого был закреплен проволочным крючком у края стола с трупом Зенкиной Лены.

– Не менее семи ударов в теменную, лобную и затылочную часть головы, а также кровоподтеки в области левого и правого пястных суставов, ссадины ...– голос Николаича явно куда-то уплывал.

В секционную зашел санитар в несвежей медицинской пижаме, в руках он держал пару поношенных покрывал, которые кинул в угол около стола.

– Это 3-3-зачем?– выдавил из себя Саша, санитар вынул изо рта сигарету и охотно начал объяснять:

– Так это, зашивать сейчас буду. Ее ж без одежды привезли и без покрывала, а живот надо закрыть чем-то. Вот я от других покойников тряпки-то взял, сейчас органы назад положу, потом покрывалом прикрою, чтоб через швы не вываливались, а уж потом шить буду.

Саша выбежал из морга, ему хватило сил, нагнуться над кустами, он переждал, когда желудок вернется на место, а вместе с ним и перевернувшаяся земля. Потом он долго отплеывался и утирался руками.

Николаич сидел на лавочке у крыльца уже в халате, с ви-

дом глубокой задумчивости смотрел через дым сигареты на летающую вокруг него осу.

– Нашатырь дать? – также через дым он посмотрел на взмокшего Сашу, тот, не глядя на эксперта, помотал головой.

– Пойдем, покажу, где умыться. Да, и забыл сказать, мазки я изъял, хоть ты про них ничего не написал в направлении. Мазки-то тебе нужны или как?

Саша, не совсем четко понимая, о чем идет речь, кивнул.

– Вот и ладненько, в постановлении не забудь об это указать, выемкой потом у меня изынешь.

Во всех учебниках по криминалистике Саша читал, что следователь обязан присутствовать на судебно-медицинском исследовании трупа. Криминалистику они должны изучать на четвертом курсе, но Саша начал ее читать еще в конце первого. Поступив на юридический факультет, он ждал знаний, которые позволят ему раскрывать и расследовать преступления, и всякие там теории государства и права вообще не имели никакого отношения к его ожиданиям.

Решение нашлось быстро, он взял в библиотеке, а потом и купил учебник криминалистики самого уважаемого автора, потом стал читать методические рекомендации, журналы. Когда пришла пора изучать науки уголовно-правового цикла, оказалось, что они почти также скучны, как и те, что изучались на первом курсе. Еще он ожидал криминологию, но криминология оказалась похожей на правовую статистику, и весьма его разочаровала. Ему была интересна только кри-

миналистика, особенно криминалистическая техника. И вот судебно-медицинская экспертиза, о которой он столько читал, оказалась чем-то омерзительным и противоестественным.

До конца дня, допрашивая и заполняя бумаги, не выпавшийся Саша думал, зачем же следователю присутствовать на вскрытии, и не видел причин для этого, зато при каждом воспоминании накатывала дурнота. Утром Саша проснулся с температурой.

2003. Лена Зенкина

– Ты поняла, дичь?, – Ленка Зенкина нависла над однокурсницей, которая забилась в дальний угол парты. Ленка специально выбрала эту девку – самую красивую и самую обеспеченную.

– Ты чё там про меня говорила, кобыла? С кем ты там меня видела? – девка что-то лепетала, вжималась в стенку и теребила концы длинных прямых черных волос красивыми наращенными в салоне ногтями.

– Чё ты врать тут пытаешься мне, я все про тебя знаю. А ты знаешь, кто мой отец, дичь? Я ему скажу, он тебе ноги вырвет, и другой стороной вставит, – Ленка уже и забыла, что решила просто развлечься, ей уже реально казалось, что эта ухоженная второкурсница распустила о ней сплетни.

Она возбужденно выкрикивала в лицо задавалы угрозы, приправленные матами, и перешла к описанию расправ, которые учинит ее папашка. Как в театральном кружке, в который Ленка ходила в детстве, она полностью растворилась в своей роли, выделяла модуляциями открытые гласные, слегка растягивая каждую букву "а". Зрители окружили ее, двадцать пять девочек и два мальчика-ботана.

Учиться в этом дерьмовом, единственном в городе, технаре было отстойно. В школе было еще отстойнее, идти в фазанку не хотелось, там учились одни дебилы, а Ленка за-

кончила девять классов без троек. Сидеть просто дома было запаadlo. Пошла, куда взяли, на технологию мяса. Как будто кто-то будет работать по такой беспонтовой профессии. Нет, Ленка еще в школе отучилась в УПК на бармена, вот только до восемнадцати лет на работу ее брать никто не хотел. Так что пока она тут, в технаре потусуеться, учится она на четверки, тут много не спрашивают, даже стипендию платят, да и мамка задрала: "Получи профессию, получи профессию", много она своей профессией заработала?

– Зенкина, что здесь происходит? – в класс зашла преподаша, – что ты орешь, и что у тебя вообще, за внешний вид?

– Да пошла ты, – Ленка направилась к выходу.

– Зенкина, звонок был для кого? Ты куда собралась?

– Я шас позвоню, и за мной приедут. Где моя труба? О, я трубу забыла! – пока какой-нибудь дирек не остановил, Ленка побежала к выходу из технаря.

Никакой мобилы у нее не было, где бы мать взяла такие деньги. А папашка, как освободился, ни разу к ней не пришел. Она даже не знает, с кем и где он живет.

Днем потусить не с кем, и Ленка отправилась домой, Валька уже должна прийти со школы, с ней можно и пойти куда-нибудь. По-тихому добрела до остановки, когда подъехал автобус, Ленка в него не села, в этом – автобусе противная кондукторша, не отстанет, пока не заплатишь, а водила может и за шкиряк из автобуса выкинуть. Платить не хотелось, курево заканчивалось, стоять и ждать следующий автобус

скучно. Ленка достала тоненькую сигарету из розовой пачки, закурила на ходу. По пути оглядела свое отражение в стеклянной двери магазина: короткий топ с титаником, короткая джинсовая юбка с широким поясом, кеды на платформе, в руке сигаретка, помада алая – шикардос. Сумка только стремная, купленная на китайском рынке, как и вся ее одежда, но за тряпки она особо не переживала, а сумка в глаза бросается.

Ну ничего, когда-нибудь и у нее деньги будут, подцепит она мужика при бабосах, он ей накупит всего, а она и мамке денег даст, пусть тоже себе всего накупит. Ну, а не найдет мужика, сама в баре заработает, пошли они, эти козлы.

Сумку она оставила дома, ключи с брелоком-сердечком сунула в карман и пошла к Вальке:

– Сима, сеструха, привет!

– Привет, Сима!– у Вальки тоже дома никого не было.

– Сим, дай пожрать и собирайся, погуляем.

Ленка по-хозяйски открыла холодильник, нашла тети Маринины котлеты. Греть было в ломы, жуя котлету, она вернулась в комнату. Валька уже покрашенная стояла в короткой джинсовой юбке с широким ремнем и в лифчике. Поглядев на Ленку, вытащила из кома в шкафу короткую футболку, почти такую же, как у Ленки, только не серую, а белую и с Лео:

– Блин, гладить надо.

Ленка хихикнула:

– Сима, ты капец, – кусок котлеты чуть ли не из носа вылетел, – нас же вообще никто не отличит.

На самом деле они с Валькой не были сестрами, они просто соседки, Валька учится еще в девятом.

– Куда пойдём?

– Давай в парк.

– Да ну, Сима, там стремно днем, нет никого, пиваса никто не нальет, и сегодня вторник, дискотека не работает, – Ленка поморщилась, настроение стремительно портилось, вроде, уже и идти никуда не хотелось, но и дома делать было совсем нечего.

– Тогда давай, Кольку с собой позовем.

– Достал чмошник этот, Колька твой, мы с ним погавкались. "Мама сказала: на выходных будем сажать картошку", – Ленка опустила уголки рта вниз и загнусавила, зло и похоже изобразив двоуродного Валькиного брата Кольку, – У него тоже бабла никогда нет. Ладно, пошли так, тусу найдем.

Прогулка вышла такой же стремной, как и весь сегодняшний день. Они сходили в парк, на площадь, потом на пятак на спортивной площадке около школы. Там кучковались одни соски, у одной Ленка отобрала банку пива – дешевую и горькую "Балтику девятку", но банка была почти пустая. Ленка пыталась стравить малолеток, чтобы хоть как-то развлечься, но они, завидев их с Валькой, очень быстро свинтили.

Кафешки днем почти все не работали, время тянулось мучительно медленно. Еще даже не стемнело, когда трезвая и

злая Ленка шагала дворами в сторону дома. Рядом гундела Валька, предлагая подождать пока откроется "Весна" – центровое кафе на районе. В последнее время Ленку все злило: злила мать – алкашка, изображающая из себя порядочную, злила их однушка в занюханой пятиэтажке без балкона – бывшей общаге, злили необходимость торговаться с китайцами из-за каждой шмотки, прыщавый Колька и короткие перепихоны с ним.

Раньше Ленка была не такая, веселая и активная, душа любой компании, ее знали не только на районе, но и в городе. Теперь она становилась веселой и доброй, только после пары литров пива. Пацаны говорили, что для настроения лучше курнуть, но она коноплю не курила, насмотрелась на травючников, свои мозги ей были дороже.

– Эй, мадам, окурок свой подними! – какой-то старый мужик в фирмовых джинсах и черной рубашке около сотого Крузака окликнул ее.

– Подними, сказал! Тут дети играют!

О, цепуру на шею нацепил, тачку купил, думает, крутым стал:

– Иди, на, дедуля! – Ленка для убедительности подняла средний палец. Дедок неожиданно схватил ее за шею, приложил затылком к машине.

– Тварь, ты сейчас нагнешься, поднимешь свой бычок из песочницы и отнесешь в урну.

Ленка попыталась расцарапать козлу харю, но никак не

могла дотянуться, рука сжала ее горло крепче.

Валька, молодец, не растерялась, завизжала, как будто всю жизнь тренировалась. Мужик швырнул Ленку, она больно проехала коленими по асфальту. Потом она еще чуток покричала в кодовый замок подъезда, да Валька испугалась и увела домой.

– Чтоб меня, да на моем районе, какой-то жмот душил! Да он не жилец, Валька, я тебе базарю, не жилец!

Она осталась ночевать у Вальки на диване, на грязном покрывале. Тетя Марина – хорошая тетка, добрая, с Валькой никогда их не ругает, готовит – закачешься, жратвы у них дома всегда навалом, настоящей, домашней. Валька, дурища, счастья своего не понимает. Одно плохо, тетя Марина постоянно на дежурствах, в выходные готовит, а потом прибухивает с ее, Ленкиной, мамкой. Это потому что муж ее, чмо безрогое, их бросил и ушел жить к малолетке. Потому что тетя Марина уже старая, ей уже 35 лет было в этом году. Вроде, дядя Сережа с малолеткой своей еще дитя родили. Тетя Марина, как его вспомнит, так слезы у нее все катятся-катятся, как будто сами по себе, поэтому они с Валькой про дядю Сережу никогда не говорят, даже когда тети Марины рядом нет.

– Валь, – Ленка оторвала голову от засаленной думочки, – а ты вот свою жизнь как-нибудь представляешь? Ты как жить хочешь?

– Я, – Валька запнулась, попыталась в темноте взглянуться

в Ленкино лицо, не издевается ли?

– Я, Лен, замуж хочу, чтобы муж был высокий, красивый, чтобы работал и не пил, конечно.

Ленка, прихватив покрывало, переползла к Вальке на кровать, улеглась рядом.

– Двоих детей хочу, чтоб на мужа были похожи, беленькие, я, знаешь, как их одевать буду? И любить, и на кружки всякие водить. И всех-всех кормить вкусно. Я вообще, поваром хочу быть, чтобы вообще, всех вкусно кормить.

– Нет, Валька, на мужиков нечего надеется, козлы они все, как папашка твой. Мужиком нужно попользоваться, деньги от него получить, подарки, лучше квартиру, там, или машину, пока молодая. А жить одной. А то потом станешь старой и толстой, и все, никому ты будешь не нужна.

– А как же дети, Лен?

– А чтоб детей родить, муж не нужен. Захочешь ребенка – сама родишь. Только надо, чтоб у тебя уже все было, чтоб нищету не плодить.

Ленка обняла подругу:

– А знаешь, я ведь в детстве врачом хотела стать, хирургом, – она зыркнула на Вальку, но та не хмыкнула, не приснула. Ленка вздохнула, зажмурилась и продолжила:

– Сейчас и не поверит никто, но я же до седьмого класса отличницей была. Тогда еще бабуля жива была. Она меня любила, во всем поддерживала, и в музыкалку меня водила, на театральный, пока еще ходить могла. Я тогда не знала, кем

я хочу больше быть – актрисой или врачом. Баба говорила, что надо в медицинский поступать – уважаемая профессия. " Из тебя, говорила, Лена, хороший хирург получится, ты на виду любишь быть, там ты самореализуешься". А баба у меня была педагог, она знала, что говорила. Ты только не говори никому.

И они вдвоем, притихнув, долго смотрели как за окном ветер раскачивал невидимые ветки, отчего одинокий фонарь во дворе причудливо менял формы, двигаясь, как живой, и такой же маленький фонарик жил и бился на предательско-блестящей радужке Зенкиной Лены.

2003. Саша Солдатов

Когда к Саше, после его похода в морг, около обеда привезли мать Зенкиной, он ожидал все, что угодно, но только не такого отношения к смерти дочери. Раньше он не общался с потерпевшими по убийствам, очень боялся, что женщина будет плакать, и не знал, как при этом можно ее допросить.

Мама Зенкиной Лены была молодой и привлекательной женщиной, здоровье которой позволяло пока не отражаться на внешности пристрастию к алкоголю. Толстый слой тонального крема превратил лицо в маску, на котором не отражалось не только горе, но и любые другие эмоции.

Женщина водила большими красивыми и густо подведенными глазами, задерживая взгляд на его лице. Саша почувствовал себя глупо и ниже опустил голову к протоколу, отчего вид у него сделался обиженный. Стараясь не смотреть на потерпевшую он спросил:

- Скажите, когда вы видели дочь в последний раз?
- На праздник, День России.
- То есть, 12 июня, а где вы ее видели?
- Ну мы с дочерью пошли в парк погулять, праздник же.
- Вдвоем?
- С нами была еще Сергеева Валя, подружка Лены.
- Что вы делали в парке?
- В парке мы выпили пива

– С дочерью?

– Да. Праздник же. Немного. И вообще, она у меня уже взрослая была, что в этом такого-то?

– И до какого времени вы гуляли?

– Часов до семи вечера, потом я встретила знакомого, ушла, а Лена с Валею остались, они собирались пойти на дискотеку.

– Куда вы пошли?

– Домой, это ж был праздник, а на следующий день мне надо было на работу.

– А вы работаете в детском саду?

– Да, воспитателем.

– Вы же сказали, что нянечкой?

– Это временно, раньше воспитателем, а теперь – нянечкой, меня попросили. Подменить. Я девочкам 100 рублей оставила, Лена сказала, что ночевать будет у Вали, и больше я ее не видела.

– Но сегодня же 14 июня? Вы что же, не искали дочь?

– Я думала, она у Вали, а Валя скрыла от меня, я не знала, что она пропала. А сегодня приехали ваши следователи, сказали, что Леночку убили и изнасиловали. Привезли сюда меня и Валечку тоже. Я Валю спросила, что произошло, она мне сказала, что ничего не знает. И я ничего не знаю. А вы мне справку дадите?

– Какую справку? – Саша оторвался от протокола.

– Для пособия на похороны. На что мне ее хоронить?

– С этими вопросами идите в морг. Распишитесь, вот здесь и вот здесь.

От допроса осталось ощущение чего-то недоделанного. Саша не знал о чем еще можно спросить мать погибшей, а опера уже привели к нему в кабинет несовершеннолетнюю Сергееву Валентину.

Подружка погибшей Валентина оказалось совсем еще девочкой, очень миловидной пухлой блондинкой с прической каре и свежими губами. Сейчас на была откровенно зареванной, но даже натертые глаза, распухший носик и красные пятна на чистой коже ее совсем не портили.

Саша провел ладонью по своим щекам, на которых еще оставались явственные следы юношеских угрей.

– Валентина, а где ваши законные представители?

Валентина подняла на него голубые совершенно бессмысленные и беспомощные глаза, которые моментально налились слезами.

Саша растерялся, потом слегка нахмурился и строго спросил:

– Почему вы пришли без родителей?

Пушистые ресницы поднялись и опустились, две слезинки безупречной формы скатились к уголкам губ:

– Дяденька, а Лену правда убили? Может, это ошибка, и она живая еще, просто врачи ошиблись?

– Мамка ее на дежурстве, в РСУ, ее оттуда не отпустят – с набитым ртом прогундел завалившийся в кабинет Макс.

Он уже достал из тумбочки оставленный Сашей рогалик, и активно пережевывал его:

– Есть, чем запить? А пожарить что, больше нет ничего?

– Я не могу допрашивать несовершеннолетнего без законного представителя, это незаконно.

– Ну не допрашивай, потом сам ее искать будешь, я больше не поеду, я тебе не служба доставки. И мамка ее сказала, что она потом подпишет, что надо. Валя, тебе сколько лет?

– Пятнадцать.

– Вот видишь, взрослая уже девчонка, она бухает уже больше, чем ты, Саня. Допрашивай.

Добиться внятного рассказа от несовершеннолетней Сергеевой оказалось не так просто, буквально каждое предложение Саша вытаскивал из нее клещами. Потом из этих предложений надо было сложить более или менее связный рассказ и записать его в протоколе.

– Мы с Леной встретились в парке, был праздник, там артисты выступали, аттракционы работали бесплатно, потом праздничная дискотека была. Лена была в парке с мамой, около семи вечера ее мама ушла, а мы остались ждать дискотеку.

Девчонка отчаянно не хотела рассказывать о том, сколько и какого спиртного они с подружкой выпили накануне.

Пришлось Саше уверять девочку, что мама ничего не узнает, и Ленина мама ругаться тоже не будет, и что они ничего не узнают. Блин, ну почему такие простые вещи в итоге

оказываются такими сложными?

– Пока мы были в парке, Лена выпила где-то две баночки пива, по пол-литра.

– Валя, а где вы взяли деньги на спиртное?

– Деньги нам Ленина мама дала, сказала, что ей аванс выплатили. Ну и до этого Лена с мамой тоже пиво пила. Но она была не пьяной, выпившая просто. По ней не видно, что она пила. А я вообще не пила. Я вообще не пью.

Спрашивать, что за добрая тетя продала девочкам пиво, Саша решил даже не спрашивать, чтобы не вспугнуть такой трудный рассказ.

– Еще мы на дискотеке встретили Кольку Бескровных. Это мой двоюродный брат, они с Леной встречались. Лена с Колей поругались, он там, это, приревновал ее к Вениамину. Веню Плетнева мы встретили на дискотеке, это знакомый наш. Лена с ним медленный танец станцевала, а Колька увидел. Вот он и поругался с ней. Она Кольку послала при всех. Он сказал, что она шлюха, и ушел. А мы с Веней еще остались до закрытия дискотеки, она в 10 часов закрылась. И мы втроем пошли в кафе "Весна". Там мест не было, мы остались в фойе. Лена встретила своих знакомых и выпила с ними еще пива. И водки. Но я с ними не пила, – Валя сделала самые честные глаза и посмотрела на следователя.

– Примерно в два ночи кафе закрылось, и мы вышли на улицу, и стояли там вдвоем с Леной. К нам откуда-то подошел мужик, я его не знаю. Как выглядел? Ну, обычно. Он был

не очень высокий, не худой и не толстый, в черных джинсах, черной рубашке, – Валя, приосанившись, сделала неопределенный жест двумя руками, плавно проведя обеими кистями вдоль тела, который, видимо, должен был означать, что неизвестный ей мужчина в черном, выглядел весьма элегантно.

– На вид сколько ему лет?

– Ну... он был как бы взрослый... наверное, лет двадцать пять, а может сорок пять, но не пятьдесят. В пятьдесят уже был бы старый, наверное...

Саша не сдержался и закатил глаза:

– Ну хорошо, а теперь опиши его внешность.

– Волосы у него русые до ушей, не длинные и не короткие, лицо обычное.

– Круглое, вытянутое? Нос большой, маленький? Глаза какого цвета?

– Я это... я не запомнила. Он сказал мне: "Я тебя жду". Я не знала, что ему ответить, он ушел за угол кафе, а потом оттуда выехала машина. И машина...

– Погоди-погоди. Какая машина?

– Черная. С черными стеклами.

– Затонированная?

– Я не знаю. Вся черная.

– Модель, марка?

Валя опять красиво захлопала ресницами:

– В смысле?

– Валя, я спрашиваю тебя, как называется машина?

– А я в них не разбираюсь, не русская.

– Седан или хэчбек?

– Это как?

– Ну сзади у нее багажник был?

– А разве не у всех машин багажники?

Саша достал черновик, и нарисовал две примитивные машинки в разных кузовах:

– Такая или такая?

Валя ткнула в картинку в криво нарисованный седан, рисовать Саша никогда не умел. Он хотел было приложить рисунок к протоколу допроса, но потом устыдился своих художеств, просто написал в протоколе, что автомобиль был черного цвета на всех стеклах автомобиля была, тонировка черного цвета, модель кузова – "седан".

– Валя, ты запомнила хоть какую-нибудь цифру или букву с номера автомобиля?

– Нет.

– Почему?

– Потому что машина была без номеров. Я это точно помню. Машина поехала в сторону второго микрорайона. Мы с Леной пошли пешком домой, она была уже пьяной и пела песни. Как только мы перешли дорогу напротив кафе, к нам подъехала та же черная машина, из нее вышел мужчина в черном. Он подошел к Лене и сказал: "Я жду тебя", потом обхватил ее сзади руками и затолкал на заднее сиденье машины, после этого машина поехала в сторону центральной

площади.

– Скажи, а Лена не сопротивлялась?

– ...сопротивлялась...

– Вырывалась?

– ...вырывалась...

– Кричала?

– ... кричала... нет, не кричала...

– Кто еще был в машине?

– Я не видела.

– А мужчина куда сел?

– За руль, справа. Я побежала за ней, в руках у меня была почти полная алюминиевая банка с пивом, я кинула ее в машину, попала в заднюю дверцу, но машина не остановилась.

– А что было потом?

– Я вернулась к кафе, там я сразу нашла Веню, с которым мы пошли искать ту машину. Мы ходили-ходили, но не нашли. Потом я очень захотела спать, пошла домой и уснула. Я думала, что Лена вернется сама. Погуляет и вернется. Правда. Но ко мне приехали милиционеры и сказали, что ее мертвую нашли... И голую. Это правда?

Глядя на заплаканную девчонку, Саша не мог понять, кто из них инфантильнее мама Зенкиной или эта Валя. История, рассказанная Валею, была настолько по-детски очевидно выдуманной: черная машина, черная рубашка, черные стекла.

– Валя, а черной шляпы, черного плаща на нем не было, а? – Максим опять вернулся в Сашин кабинет, – что ты пле-

тешь-то? Тебя кто, Веня твой, попросил эту туфту нам впаривать?! Зорро, бля, ее увез. У тебя подругу убили.

– Она была мне как сестра, – прошептала Валя

– Что?

– Сестра, она была мне как сестра.

– Тем более. А хочешь, я расскажу, что с ней сделали? Хочешь? Этот ублюдок, Валя, ее изнасиловал. А хочешь, расскажу, как он ее убил? Он ей живой разбивал голову, она от него уползала, а он догонял и бил по голове снова и снова, она плакала, умоляла...

Валя, оцепенев смотрела на Максима, на ее серой футболке с картинкой из кинофильма "Титаник" от слез намокла бейка. Вале стало жарко, и она оттянула вырез футболки: это ее, Ленкина, футболка, они поменялись 12 июня. Валя уткнулась лицом в колени и громко разрыдалась. На все дальнейшие вопросы Валя мотала головой, не отрывая лица от коленей, и только всхлипывала.

Максим и Саша переглянулись, Макс пожал широкими плечами, буркнул под нос: –...эти малолетки.

Саша поспешил закончить допрос.

Дело по факту убийства Елены Александровны Зенкиной понятнее не становилось, а в горле у следователя Солдатова уже начинало ощущимо першить и саднить.

1988. Андрей Пранкевич

Сегодня был первый день учебно-производственной практики, на практике мне понравилось еще больше, чем в техникуме. Нас, троих первокурсников, отправили в один СМП в бригаду бетонщиков. Я сразу приглянулся мастеру, меня поставили бригадиром салаг. С семи утра мы с работягами на бичевозе мучительно медленно ехали на разъезд Травный, где строили будку для путейцев. В четыре бичевоз забрал нас обратно. Двое рабочих с утра традиционно похмелялись, пока мы месили в металлической бадье раствор. Цемент, песок, кирпичи в тайгу завезли заранее, здесь можно было не опасаться, что стройматериалы растащат. Потом старшаки вывели углы, показали нам как делать кладку, а сами пошли рыбачить. Стена будки у салаг выходила кривоватой, кирпичи ложились неаккуратно, но я старался, раздавал указания однокурсниками, подравнивал, заваливающую стену. Хотя я знал, что качество нашего строительства этого "объекта" никого не волновало.

Физическая работа меня не пугала, последний год я почти ежедневно подтягивался на самодельном турнике в нашем убогом дворе, кидал пудовую гирию дома. Мне казалось, что я стал не только сильнее, но и выше. Меня хвалил физрук, я сдал на разряд, не пил, не курил. Меня уважал мастер. Учиться в техникуме я стал хорошо. И даже пацаны в техника-

ре меня стали прислушиваться. Вот и сейчас никто не возражал, что меня поставили старшим. И еще две недели я буду главным.

– Андрей, какой ты стал! – классная со школы с удовольствием осматривала меня, встретив в магазине, – вот, что значит правильно выбрать дорогу в жизни. Ты в коммунально-строительный техникум поступил? Молодец! И спортом, наверное, занялся? Повзрослел, вырос. А какой сильный стал, тебя не узнать!

Она плела какой-то вздор, я вежливо кивал головой. Мне, собственно, было наплевать на эту училку, которая осталась далеко в прошлом и помнит меня, презираемого заморыша с задней парты. Но я стал другим, я стал сильнее, у меня теперь есть тайна и чувство превосходства. Это она, тайна, теперь управляла мною, делала сильнее, всегда подсказывала правильное направление. Новый я не преминул сказать ненужной старой педагогине:

– Зато вы, Наталья Петровна, наверное, эликсир молодости изобрели, – и слегка улыбнуться, заставив пятидесятилетнюю старушку смутиться.

Такая же тупая, как и все. Все думали, что это спорт и учеба в техникуме изменили меня. Нет, это я понял, что все вокруг овцы, а я – волк. Как все в этом мире делится на плохое и вкусное, так и люди делятся на тех, кто подчиняется, и тех, кто может ими управлять.

Когда я это понял, тогда и спорт, и учеба легко подда-

лись мне, а окружение вдруг признало мое лидерство. И это все оказалось хорошо, вкусно. Я научился нравиться людям. И даже Наташке с третьего курса.

Черноволосая высокая и худая Наташа Белова была самой надменной красавицей техникума. Она тоже выросла в Химкомбинате, только учились мы в разных школах. Я знал, что через пять лет я женюсь на ней, и у нас будет красивая свадьба, а потом родится и умница-дочь, мы будем жить в красивой квартире и ездить на хорошей машине, на японской "Тойоте", потому что настоящая машина – это только "Тойота".

Их всего-то в нашем городе только две. Когда я первый раз увидел японку в нашем городишке, я задохнулся, как в детстве, рот наполнился тягучей слюной и несбывшейся мечтой о "Салюте" – воображаемый встречный ветер, бьющий в открытое окно автомобиля, перебил мое дыхание, ласкал мою руку, свободно лежащую на руле с кожаной оплеткой. Это был белый джип "Тойота Лэнд Круизер" шестидесятой серии. Более совершенной вещи я в своей жизни не видел. Мне ничего не стоило представить себя за рулем такого шикарного авто. Но для этого я должен быть рядом, вдыхать его тонкий бензиновый выхлоп, смешанный со сладковатым запахом импортного салона, невзначай провести рукой по гладкому теплему боку. Хорошо, что не я один постоянно терся около этих машин, а их хозяева снисходительно поглядывали на толпу мальчишек, пускавших слюни около

их сокровища.

У меня обязательно будет такая машина. Но пока я должен закончить техникум и отслужить в армии. А Наташка меня дождется, и все у нас будет идеально. Не так, как у Ляльки.

Я давно понял, что Лялька не помнит, от какого снятого ею мужика в пьяном угаре она зачала меня. В какой-то момент и я перестал этим интересоваться, ну был в моей жизни не очень удачный донор спермы, совсем не важно кем именно он был, важно то, кто я теперь.

Лялька оставалась все такой же красавицей, я бешено ее любил и ревновал. Ее красота напоминала мне слегка увядшие лилии, своими четкими формами и мясистыми лепестками. А она все больше отстранялась от меня. Все чаще оставалась на дежурствах. Как будто что-то чувствовала своей нечеловеческой интуицией, которая делала ее лучшей в своей профессии.

В последнее время она перестала таскать своих любовников домой, устраивала свою личную жизнь на стороне. Я был и рад и не рад этому. С одной стороны, ненависть заполняла все лакуны моей обновленной души, когда я видел ее с очередным хахалем, я боялся, что я выйду к ним в комнату в разгар любовных игр и сделаю то, что давно хотел сделать с Лялькой в своих фантазиях на глазах ее любовника.

С другой стороны мне было болезненно интересно, а с кем же встречается моя мать, что за мужик обнимает ее по но-

чам, кого она предпочла мне. И чем больше Лялька прятала от меня свою интимную жизнь, тем навязчивее становился мой интерес. Иногда по ночам злость и тоска толкали меня в больничный парк, я подкарауливал ее в кустах у служебного входа хирургии, заглядывал в освещенные окна сестринской, мучимый любопытством и ревностью, осознанием ненормальности моего поведения, страхом, что она заметит меня.

Почти год, как у меня была своя комната, Петровна, в чьей квартире мы прожили более десяти лет, "отмучилась и отошла в мир иной", как сказали наши соседки, пришедшие на скромные поминки. Родственников у Петровны не было.

Перед тем, как ей отмучится, я лежал на своей скрипучей раскладушке в одной комнате с ней и вдыхал ненавистный запах мочи и кала, слушал, как Петровна вздыхает и охает – в последнее время она перестала спать по ночам. Фенотепам, который Ляля таскала с больницы, на Петровну уже не действовал.

В какие-то ночи я засыпал, не слыша ни отвратительного запаха, ни омерзительных вздохов, в другие – они сводили меня с ума, то не давая уснуть, вспугивая короткий и долгожданный сон. Я подолгу лежал в темноте, ощущая, как весь, до кончиков волос, пропитываюсь запахом аммиака, смешанным с корвалолом, из-за которого все в школе избегают меня. Иногда мне удавалось провалиться в тревожный короткий сон, со смутными пугающими образами, и тогда,

проснувшись, я мог обнаружить, что ночью я сам обмочился. Иногда я просто лежал и до утра смотрел в потолок, добиваясь приятного оупления. И таких ночей было больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.